Зимний лагерь походил на спящего гигантского зверя.

Темнело рано, а светало поздно. Дни стояли настолько короткие, что люди едва успевали что-то сделать, как снова наступала ночь. Обитатели лагеря забивались по домам, стараясь без лишней нужды не выходить наружу, и даже тренировки прекратились. Бай Шуан говорила, что зимой от работы с клинком могут потрескаться руки, так что лучше заняться общей физической подготовкой. Поэтому Лу Чэнь целыми днями делал в хижине отжимания, приседания и качал пресс, пока с него не начинал градом литься пот, а затем заворачивался в шерстяное плед и сидел перед очагом, погрузившись в оцепенение.

Те Я говорил, что безделье смерти подобно, и предлагал учиться грамоте. Каждый день во второй половине дня он приходил в домик Лу Чэня, принося с собой дощечку и обугленную деревянную палочку, и выводил на ней иероглифы, обучая мальчика по одному. Лу Чэнь учился медленно, но очень старательно. Он раз за разом выцарапывал палочкой на земле пройденные за день иероглифы, останавливаясь только тогда, когда пальцы полностью коченели от холода.

— Те Я, почему ты так добр ко мне? — не выдержав, в один прекрасный день спросил Лу Чэнь.

Те Я как раз выводил на дощечке иероглиф «милость», но при этих словах его рука замерла. Он поднял голову, и его помутневшие глаза уставились на Лу Чэня.

— Добр к тебе? А ты забыл, как я тебя ругал?

— Ругать — это одно, а добро — это другое.

Те Я помолчал немного, опустил голову и продолжил писать.

— Ты спас сына моего вождя. Клан Волков не остается в долгу. Я остался должен тебе, — он сделал небольшую паузу, — а когда верну долг, то буду свободен.

Лу Чэнь посмотрел на его профиль. Свет очага падал на лицо старика, делая каждую морщину глубокой и резкой. Он лгал, и Лу Чэнь прекрасно это понимал. Но разоблачать его не стал.

Бай Лан приходил каждый день. Иногда он приносил еду, иногда — вино, а порой являлся с пустой руками, просто чтобы посидеть вместе. Его левая рука уже зажила и двигалась нормально, но напрягать ее он все еще не решался. Бай Шуан предупреждала, что полное восстановление займет как минимум до прихода весны.

— Как только наступит весна, мы уйдем, — сказал Бай Лан.

— Ты уверен?

— Уверен. — Бай Лан прислонился спиной к стене, глядя на потолочные балки. — Я говорил с отцом.

Лу Чэнь опешил.

— Говорил? И что он ответил?

Бай Лан на мгновение умолк.

— Ничего не ответил.

— Совсем ничего?

— Угу. Просто посмотрел на меня и продолжил вырезать по дереву.

Лу Чэнь не знал, что именно вырезал Бай Е, но легко мог представить эту картину: старик сидит у очага, держа в одной руке деревяшку, а в другой — маленький нож, строгает чурбачок рез за резом, не говоря ни слова и даже не поднимая головы. А Бай Лан стоит у входа, ждет какое-то время, а потом разворачивается и уходит.

— Он не пытается тебя удержать? — спросил Лу Чэнь.

— Нет, — ответил Бай Лан. — Он знает, что меня не остановить.

Они сидели в тишине, прислушиваясь к тому, как потрескивают дрова в очаге. За окном завывал свирепый ветер, издавая звуки, похожие на плач какого-то существа вдали.

— Лу Чэнь, — позвал Бай Лан.

— Мм?

— Тебе страшно?

— Чего бояться?

— Того, что снаружи. — Бай Лан посмотрел на окно. Натянутая на раму бумага от порывов ветра то выгибалась наружу, то прогибалась внутрь, словно живой человек, делающий вдох и выдох. — Я с детства рос в этом лагере, а дальше южной сторожевой вышки никогда не выбирался. Каков мир за его пределами, я понятия не имею.

— Я тоже, — отозвался Лу Чэнь. — Я всю жизнь провел на руднике, а дальше ближайшего городка не ездил.

Они переглянулись и одновременно усмехнулись.

— Ну тогда нам обоим незачем смеяться друг над другом, — произнес Бай Лан.

— Я над тобой не смеюсь.

— У тебя на лице улыбка.

— Это от холода.

Бай Лан не стал спорить и протянул ему принесенную с собой флягу с вином:

— Сделай глоток, согрейся.

Лу Чэнь взял флягу и отпил. Вино оказалось крепким, от его жгучей островы в горле защипало, но в желудке разлилось приятное тепло. Он вернул флягу Бай Лану, и тот тоже сделал глоток.

Ветер за окном усилился, заставив деревянную дверь с жалобным скрипом заходить ходуном. Лу Чэнь встал и подпер дверь палкой. Скрип прекратился, но сквозь щели все равно просачивался ледяной сквозняк.

— Бай Лан.

— Мм?

— Какой была твоя мать?

Бай Лан долго молчал. Огонь в очаге качнулся, и вылетевшая искра упала на землю, мгновенно погаснув.

— У нее были очень длинные волосы, — проговорил Бай Лан, — серебряно-белые, такие же, как у меня. Она не любила много говорить, но очень красиво пела. Когда я был маленьким и не мог уснуть, она садилась у моей кровати и пела, и под ее песню я засыпал.

Он прервался на секунду.

— Впрочем, я плохо ее помню. Слишком маленьким тогда был.

Лу Чэнь смотрел на него. В глазах Бай Лана отражались танцующие языки пламени.

— После ее смерти отец перестал петь. И никому больше не позволял.

— Почему?

— Не знаю, — Бай Лан опустил взгляд на флягу в руке. — Наверное, потому, что каждая песня напоминала бы ему о ней.

Они снова погрузились в молчание.

Дрова в очаге почти прогорели, языки пламени становились все меньше. Лу Чэнь подбросил толстую ветку, и огонь снова ярко вспыхнул. Свет от пламени отбрасывал их тени на стену, то увеличивая, то уменьшая их, словно фигуры двух танцующих великанов.

— Бай Лан, — нарушил тишину Лу Чэнь.

— Мм?

— Придет весна, и мы отправимся на юг.

— На юге земли людей.

— Я знаю, — кивнул Лу Чэнь. — Я хочу вернуться и навестить старика Ли.

— Разве он не умер?

— Даже если умер, все равно навещу. — Лу Чэнь устремил взгляд на огонь в очаге. — Он был единственным человеком в этом мире, кто относился ко мне по-доброму. Я хочу сжечь для него немного ритуальной бумаги и сказать, что я все еще жив.

Бай Лан кивнул:

— Тогда пойдем на юг.

— А потом на восток.

— Что на востоке?

— Застава Железная Стена. У Те Я там похоронен друг, он хотел навестить его могилу, но не может сам. Я схожу туда за него.

Бай Лан помолчал немного.

— Если ты сделаешь это за него, обрадуется ли он?

— Не знаю, — ответил Лу Чэнь. — Но я хочу, чтобы он порадовался.

Бай Лан допил оставшееся в фляге вино и поднялся на ноги.

— Я пойду. Завтра снова приду.

— Завтра жду.

Бай Лан отворил дверь, и ворвавшаяся внутрь снежная буря заставила Лу Чэня втянуть голову в плечи от холода. Бай Лан шагнул в метель и мгновенно скрылся из виду. Лу Чэнь закрыл дверь, надежно подпер ее палкой и вернулся к очагу. Он вытащил из ножен подаренный Те Я клинок и всмотрелся в него при свете огня. На лезвие были нанесены извилистые письмена, смысла которых он не понимал. Но он прекрасно знал, что они означают. Уж лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Он вернул клинок в ножны и положил под подушку.

За окном продолжал завывать ветер.

Закрыв глаза, он думал о весне.

http://bllate.org/book/22378/2347708